

- ² См.: MGH: *Scriptores Rerum Merovingicarum*. 1919. Т. VII. P.225.
- ³ The Catholic Encyclopedia. New York, 1907. V.1. P. 253.
- ⁴ См.: Collingwood R. G., Myres J. N. L. *Roman Britain and English Settlements*. Oxford, 1937. P. 270; Дониини А. У истоков христианства. М., 1989. С. 216; Морошкин И. //ЖМНП, 1872. Т. 163. С. 272.
- ⁵ См.: Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1985. С. 99; McNeill J. T. *The Celtic Churches*. Chicago; London, 1974. P. 19; Moorman J. R. H. *A History of Christian Church in England*. London, 1973. P.4.
- ⁶ См.: Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Спб., 1910. С. 296; Collingwood R. G., Myres J. N. L. *Roman Britain and English Settlements*. P. 270; Морошкин И. //Указ. издание. С. 272.
- ⁷ McNeill J. T. *The Celtic Churches*. P. 19.
- ⁸ The Dictionary of National Biography. V. 22. P. 27.; Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи. С. 99.
- ⁹ Encyclopedia of Early Christianity / Ed. by E. Ferguson. New York; London, 1990. P. 19.
- ¹⁰ См.: Encyclopedia International. New York, 1963. V. 1. P. 240; Encyklopedia katolicka. T. 1. Col. 293.; Православная богословская энциклопедия. Т. IX. Стл. 399.; Podreczna encyklopedia Koscielna. Krakow, 1904. T. I — II. S. 104.
- ¹¹ Collingwood R. G., Myres J. N. L. *Roman Britain and English Settlements*. P. 271.
- ¹² См.: Bober A. *Anglia, Szkocia, Irlandia: Teksty zrodlowe do historii kosciola i patrystyki*. Lublin, 1991. S. 10; Carrington Ph. *The Early Christian Church*. Cambridge, 1957. P. 478; The New Encyclopedia Britannica. V. 1. P. 206.
- ¹³ См.: Lindsay J. The Romans were Here. S. d. P.324.; The Oxford Dictionary of the Christian Church. P. 28.; The Penguin Dictionary of Saints. Hammondsworth, 1983. P. 34.
- ¹⁴ См.: Федосик В. А. Церковь и государство. Мн., 1988. С. 46.
- ¹⁵ The Catholic Encyclopedia. V. 1. P. 253.
- ¹⁶ Venantius Fortunatus. De Virginitate. L. VIII, C. 6 // PL. T. 88. Col. 267.
- ¹⁷ The Dictionary of National Biography. V. 22. P. 28.
- ¹⁸ The Penguin Dictionary of Saints. P. 27.
- ¹⁹ См.: Бобович А. С., Бобович М. А. // Гальфрид Монмутский. История Бриттов. М., 1984. С. 202.

М. Г. НИКИТИН

К ВОПРОСУ О ДОБРОВОЛЬНОСТИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ШЛЯХТЫ К ТАРГОВИЦКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ (1792 г.)

В последние годы белорусские историки, по новому осмысливая прошлое своей Родины, все чаще обращаются к тем трагическим последним годам XVIII столетия, когда с политической карты Европы исчезла Речь Посполитая, а вместе с ней и Великое княжество Литовское — несостоявшаяся в итоге попытка создания белорусского национального государства. Интерес этот понятен, естественным представляется стремление раскрыть и правильно объяснить зловеющий механизм распада и гибели государства, чтобы современники и потомки не допустили его повторения на новом этапе исторического развития. Однако, и это вполне объяснимо исторически, в публикациях по данной тематике пока преобладают небольшие, преимущественно историко-публицистического плана, материалы, напечатанные в различных газетах и журналах, причем не всегда научных. В качестве редкого исключения можно назвать вышедшую в 1994 г. в издательстве «Беларусь» брошюру Вл. Емельяничка «Паланез для касінераў», где проблемы последних лет существования Речи Посполитой рассматриваются в свете восстания польского, литовского и белорусского народов под предводительством Т. Костюшко, рассматриваются на солидной научной базе, с использованием многочисленных материалов белорусских и зарубежных архивов.

Капитальные же научные труды белорусских историков о последних годах Речи Посполитой и Великого княжества Литовского пока еще только пишутся. Когда они выйдут в свет, в них, несомненно, найдет отражение и чрезвычайно важный для национального исторического самосознания вопрос о степени виновности белорусской шляхты, как единственного в те времена политически активного слоя общества, в гибели своего государства. Сама по себе эта историческая вина несомненна. Шляхта белорусских земель, в массе своей, дала себя вовлечь в Генеральную Литовскую конфедерацию — отрасль Тарговицкой конфедерации, облегчившую российскому царизму захват и аннексию центральной Беларуси, лишение Речи Посполитой остатков самостоятельности. Однако имеет принципиальное значение вопрос о том, было ли это соучастие в гибели Родины добровольным, вызванным местническими амбициями патриотов Великого княжества

Литовского, лишённого по Конституции 3 мая 1791 г. автономии, или стало следствием угроз и грубого насилия. Важно также знать, имело ли место на белорусских землях активное и сколько-нибудь широкое сопротивление тарговичанам в осуществлении их планов.

Существующая на данный момент историческая литература либо не даёт внятного ответа на этот вопрос, либо замалчивает его вовсе, либо даже утверждает, что белорусская шляхта, проникнувшись идеями автономизма, охотно позволила обмануть себя конфедератам. Подобным образом объясняли суть происходившего в своих работах С. М. Соловьёв (История падения Польши. М., 1863, С. 266–276), Г. А. Павский (Краткая история Западно-Русского края. Мн., 1910. С. 40) и другие историки царской России. Счастливым исключением не только из их трудов, но и из всего написанного до сего дня по данной тематике, представлял по-настоящему объективная и бесстрастная работа В. В. Тимошука «Тарговицкая конфедерация» (Русская старина. 1905. Т. 121. Янв. С. 211–240, февр. С. 335–361). Автор использовал материалы архивов МИД и военного ведомства. Документы и материалы российской стороны, связанные с событиями 1792 г., ныне сосредоточены главным образом в Российском государственном архиве древних актов и Российском государственном военно-историческом архиве. Важный исторический документ — подробные «Дневные записки о движении и действиях войск русских в Великом княжестве Литовском и Польше в 1792 г., находившихся под начальством генерал-аншефа Михаила Никитича Кречетникова», составленные П. М. Грохольским, — был опубликован в 1863 г. в Москве, в 4-й книге «Чтений в Императорском обществе истории и древностей Российских» (С. 21–104).

Опираясь на документы названных архивов и на материалы указанных публикаций, мы и попытаемся прояснить вопрос, вынесенный в заголовок статьи.

Прежде всего, необходимо сразу и определенно сказать о том, чем на деле являлась так называемая Генеральная Литовская Конфедерация и что представлял собой ее фактический вождь Шимон Корвин Коссаковский. Генеральная Литовская Конфедерация была задумана в Санкт-Петербурге и организована на средства Российской казны. Ш. К. Коссаковский, некогда деятельный участник Барской конфедерации, теперь был генерал-поручиком российской армии. Он прибыл из Петербурга в Полоцк в апреле 1792 г., имея от Екатерины II, по словам генерал-аншефа М. Н. Кречетникова, возглавлявшего подготовленную к вторжению в ВКЛ армию, «особенную всевысочайшую доверенность по части политической»¹. Он имел также письмо фактического руководителя Коллегии иностранных дел графа А. А. Бзбородко, адресованное Великому канцлеру Литовскому Александру Михалу Сапеге, с призывом возглавить будущую Генеральную Литовскую Конфедерацию. (А. М. Сапега это позорное предложение принял)². Коссаковский периодически получал крупные средства на подкуп сановников и шляхты от М. Н. Кречетникова, которому Казна выделила на эти цели 200 000 рублей серебром. В ходе начавшегося 11–12 мая 1792 г. вторжения российских войск в ВКЛ М. Н. Кречетников и его генералы, как об этом свидетельствуют документы, в приказном порядке и планомерно, при участии «надежных поляков», повсеместно насаждали органы «вольной Литовской конфедерации». Одним из этих генералов, скорее даже чем «надежным поляком», числил себя и сам фактический вождь «вольной конфедерации» Ш. К. Коссаковский. Свои регулярные рапорты Кречетникову он чаще всего так и подписывал: «Генерал-поручик Семион Коссаковский»³. В одном из рапортов (от 29.06.1792 г.) сей патриот ВКЛ и «ревнитель древней шляхетской вольности» откровенно называл свою деятельность по формированию Генеральной конфедерации в Литве «высочайшей ея Императорского Величества службой»⁴.

Накануне вступления российских войск в ВКЛ Ш. К. Коссаковский обещал главнокомандующему М. Н. Кречетникову и и. о. президента Военной коллегии генерал-аншефу Н. И. Салтыкову, даже самой императрице, что шляхта активно поддержит мероприятия литовских тарговичан. Однако первые же переходы российских войск по земле ВКЛ заставили генерал-аншефа М. Н. Кречетникова разочароваться и в литовской шляхте, и в самом Коссаковском, о котором он писал Салтыкову: «Знал самохвалом и партизаны, которые прежде мне обещали: и признательно доложу, что опасение только заставляет их повиноваться»⁶. Почему вельможа пришел к такому заключению? На это у него были свои причины.

17 мая 1792 г. генерал-аншеф М. Н. Кречетников во главе Первого корпуса своей армии (корпус Ш. К. Коссаковского) прибыл в город Ушачи, где размещались административные учреждения Полоцкого воеводства и созывались сейми-

ки. Здесь Кречетников рассчитывал утвердить в воеводской канцелярии заранее составленный и многими шляхтичами подписанный Акт Полоцкой воеводской конфедерации. Для торжественной процедуры утверждения Акта требовались стечение местной шляхты и сотни новых подписей. Но Ушачи были пусты; под влиянием варшавских патриотических воззваний шляхта разъехалась по своим имениям. Кречетников вынужден был отдать Коссаковскому и кавалеру Корсаку приказание «созвать» хоть кого-нибудь из ближайших поместий. С трудом собрали 110 человек в Доминиканском костеле и с их участием кое-как утвердили Акт. От них была принята присяга на верность Литовской конфедерации. В своем лагере Кречетников оказал только что присягнувшим воинские почести, однако выступая перед ними, не сдержал раздражения. Покорным, т. е. вступающим в конфедерацию, он обещал царскую милость, но при этом объявил, что к тем, кто станет упорствовать и избегать конфедерации, будут применены меры, как к «врагам Отечества»⁷.

Аналогичные ситуации повторялись и позже. Шляхта не только не спешила приветствовать россиян и вступать в ряды конфедератов, но и, напротив, узнав о приближении «освободителей», бежала как черт от ладана в дальние имения, либо вступала добровольцами в Литовскую армию, воевавшую против России. Российские войска и конфедераты не застали шляхты в Минске, Новогрудке, Браславе⁸... Брестские шляхтичи оказали вооруженное сопротивление захватчикам, обороняя воеводский город⁹.

Примером почти полного отсутствия поддержки литовских конфедератов со стороны местной шляхты может служить город Браслав — повестовый город Виленского воеводства. Как и в Ушачах, для этого повета уже был заготовлен подписанный девятками шляхтичей Акт местной антиконституционной конфедерации¹⁰, который предстояло утвердить в костеле и зарегистрировать в повестовой канцелярии. Не исключено, что многие подписи были поддельными, о чем можно судить по последующим событиям.

14 (25) мая 1792 г. в Браслав прибыл командир Динабургского корпуса российской армии генерал-поручик князь Долгорукий с командой. Он имел с собой «плакат» (объявление) Кречетникова и приказ проконтролировать церемонию утверждения Акта Браславской повестовой конфедерации, направленного против Конституции 3 мая. Но оказалось, что ничего не готово и дело следует начинать с нуля. Браслав был пуст. Долгорукий нашел здесь только Троцкого кастеляна графа Августа Платера, заранее согласившегося быть главой повестовой конфедерации, да графа Мануция с сыном. Не оказалось на месте и тех шляхтичей, которые якобы подписались под актом.

Раздосадованный Долгорукий написал Кречетникову: «В Бреславле весьма мало нашел я людей, расположенных к нашему намерению. Граф Платер, хотя и берется быть маршалком, но видно, что он мало смыслит и в здешних делах мало бывал»¹¹. Отец и сын Мануции говорили князю о местных шляхтичах, что «хотя некоторые и подпишут, но как скоро войска выйдут, то они скажут, что принуждены были оную подписку сделать»¹². Долгорукий, как мог, успокоил Мануциев и отправил их уговаривать по-хорошему близко живущих шляхтичей. Сам он от себя тоже разослал шляхтичам письма¹³, но этим не ограничился. Как писал В.В. Тимошук (к сожалению, без ссылки на источник), Долгорукий, используя своих солдат и казаков, силой согнал в Браслав более сотни шляхтичей. Остальные бежали в направлении Вильно. Местная канцелярия отказалась регистрировать сфабрикованный Акт Браславской повестовой конфедерации, но ее членов все же принудили сделать это угрозами и побоями¹⁴. В конце концов, 17 мая 1792 г. 125 браславских шляхтичей утвердили своими подписями Акт местной конфедерации и присягнули ей на верность¹⁵.

Подписываться под актами и протоколами повестовых и воеводских конфедераций шляхтичей вынуждала безнадежность положения. Кречетников и Коссаковский объявили непокорных «врагами Отечества», что влекло за собой конфискацию имений, разорение, арест. В своем универсале от 15 (26) июня 1792 г. самозванный Великий Литовский гетман Ш. К. Коссаковский, обращаясь к населению Виленского воеводства, откровенно угрожал: «Сенаторам, послам и разным должностным лицам, стоящим во враждебных отношениях к Конфедерации, предоставляется известный срок для присоединения к оной; в случае же неповиновения, имения их подвергаются секвестру... Снисхождение сие не распространяется на бунтовщиков из лиц частных»¹⁶. Под определение «бунтовщик» автоматически попадал любой шляхтич, несогласный с идеями конфедератов, не желавший ставить свою подпись под их документами.

Присутствие генерал-аншефа М. Н. Кречетникова при утверждении Акта конфедерации Полоцкого воеводства не спасло от неприятностей и осложнений тех, кто оставался в Ушачах для собирания новых сотен подписей и приведения к присяге основной массы шляхетства. Маршалок воеводской конфедерации кавалер Корсак высказывал российским военным властям опасение, что 15 июня

1792 г. в день, назначенный для общей присяги, шляхтичи, приехав большой массой, вместо того, чтобы присягать, разгромят конфедератские учреждения. Корсак просил прислать в его распоряжение хотя бы два полка российской пехоты. По его словам, наибольшую опасность представляли собой «мелкие дворяне, зараженные столько фанатизмом, что в состоянии и жизни пожертвовать, только бы не присоединяться к конфедерации»¹⁷. В конце мая 1792 г. в Полоцком воеводстве отказывались присягать Конфедерации местечко Дисна, королевская Куриловская волость, деревня Голомысль — всего 800 дворов¹⁸.

Наконец, и в самой столице Великого княжества Литовского тоже возникли трудности с утверждением Акта Генеральной Конфедерации. Российские войска заняли Вильно без боя 3 (14) июня 1792 г. Ш. К. Коссаковский прибег здесь к насилию, арестам и всевозможным ухищрениям¹⁹, но только к 14 (25) июня ему и его приспешникам удалось собрать 1000 подписей под Актом Генеральной Литовской Конфедерации, что и позволило начать торжества по ее провозглашению²⁰. М. Н. Кречетников рассчитывал, что это удастся сделать на несколько дней раньше, и целую неделю держал два корпуса своей армии в окрестностях Вильно²¹.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что, по признаниям самого российского главнокомандующего и его генералов, на территории ВКЛ, т. е. на белорусских землях, не было даже намска на активное стремление большинства шляхты вступить в Генеральную Литовскую Конфедерацию и тем самым вольно-невольно способствовать очередному разделу своей Родины. Напротив, наблюдалось повсеместное уклонение от участия в конфедерации, а иногда и сопротивление шляхтичей конфедератам, которых они справедливо воспринимали как часть враждебной российской силы. О том же свидетельствовали в своих отчаянных письмах к российским военным властям и сами конфедераты. Генеральная Литовская Конфедерация, ее местные отделения и органы были в конце концов созданы только благодаря тому, что они насаждались российскими генералами при помощи немногочисленных «надежных поляков». При этом широко использовались угрозы, насилие, репрессии, страх перед которыми и сыграл решающую роль в достижении конфедератами формального успеха.

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 12, д. 218, л. 18.

² Там же.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 41, оп. 1/199, д. 173, л. 28 об.

⁴ РГАДА. Ф. 12, д. 218, л. 134.

⁵ РГВИА. Ф. 41, оп. 1/199, д. 174, л. 146.

⁶ Там же. Л. 77 об.

⁷ РГАДА. Ф. 12, д. 218, л. 85.

⁸ См.: Чтения в Императорском обществе Истории и древностей Российских. СПб., 1863.

Кн. 4. Октябрь — декабрь. С. 42, 55.

⁹ Там же. С. 93.

¹⁰ РГАДА. Ф. 12, д. 218, л. 40 — 47 об.

¹¹ РГВИА. Ф. 41, оп. 1/199, д. 174, л. 143.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Тимошук В. В. // Русская старина. 1905. Т. 121. С. 212.

¹⁵ РГАДА. Ф. 12, д. 218, л. 86 об.

¹⁶ Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею. Вильна, 1878. Т. IX. № 188. С. 566.

¹⁷ РГВИА. Ф. 41, оп. 1/199, д. 167, л. 33 об.

¹⁸ Там же. Л. 33.

¹⁹ Тимошук В. В. Указ. соч. С. 214.

²⁰ РГАДА. Ф. 12, д. 218, л. 117.

²¹ Там же. Л. 107 об.